

Проблема организации общественного труда в СССР в годы Второй мировой войны

С.А. ПАПКОВ, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирск. E-mail: sparkov@ya.ru

Анализируется положение в области организации общественного труда в СССР в предвоенный и военный период. Дается оценка состояния трудовой дисциплины как одной из ключевых проблем в экономической политике советского государства. Воспроизводится эволюция правительственных мер по внедрению специфических (внеэкономических) мер борьбы за трудовую дисциплину и удержание рабочих на предприятиях в условиях войны.

Ключевые слова: производство, рабочие, общественный труд, трудовая дисциплина, прогулы, самовольные уходы, война, указы о труде, судебные меры

События Второй мировой войны и роль в них советского политического режима остаются одной из дискуссионных тем современной российской историографии. В ходе полемики сталкиваются иногда противоречивые мнения и оценки, побуждающие расширять поле научных исследований и поиск новых аргументов. Одновременно с этим все еще сохраняется стремление к сознательному искажению или замалчиванию отдельных аспектов, сокрытию или игнорированию некоторых документов. Даже тот факт, что значительная часть советских архивных источников периода войны сих пор хранится под грифом секретности, говорит о том, что публикация их по каким-то причинам не устраивает официальные круги и что реальная картина отдельных событий войны может существенно расходиться со сложившимися представлениями о ней.

В статье дается взгляд историка на одну из самых важных проблем советской экономической системы, наиболее отчетливо проявившуюся в условиях войны и в послевоенные годы. Недавно открытые источники позволяют оценить масштаб и характер трудностей, с которыми столкнулось советское государство, не придававшее серьезного значения экономическим стимулам общественного труда. Они также дают возможность оценить рефлексию сталинского руководства на возникшую проблему

и проследить путь к «завинчиванию гаек» – широкому использованию принуждения к труду огромной массы населения.

Война, в которую вступил Советский Союз в июне 1941 г., стала источником глубоких перемен в политическом, общественном и экономическом развитии страны. Она породила множество сложнейших оперативных, мобилизационных и хозяйственных задач, требовавших консолидации усилий власти и общества. Вместе с тем она предельно обнажила массу старых проблем, на решение которых в довоенную эпоху были затрачены огромные организационно-партийные и государственные ресурсы, не принеся заметного успеха, и теперь с началом войны они приобрели еще большую актуальность и неотложный характер. Одной из таких проблем являлась задача организации общественного труда в самом широком его смысле – повседневного труда миллионов людей на заводах, фабриках, стройках и в колхозах – как материальной основы существования большого государства и его способности отвечать внешней угрозе.

Проблема общественного труда и его мотивации традиционно занимала большое место в советской системе управления страной. Она заключалась в том, что механизмы социалистического хозяйствования, внедренные большевиками, не предусмотрели необходимого набора экономических стимулов и условий для производительного труда. Поэтому властям непрерывно приходилось искать решение одной и той же задачи: как заинтересовать рабочих в эффективном труде, какими способами побудить их к повседневной ответственной и ритмичной работе или, по крайней мере, поддерживать элементарную производственную дисциплину. На отсутствие достойных условий жизни, оплаты труда, социальных гарантий и даже нормальной организации производства, рабочие повсеместно отвечали систематическими прогулами, постоянными переходами с одного предприятия на другое, нарушениями технологической и трудовой дисциплины. Эти явления были хроническим недугом любого советского предприятия, и государство несло огромные убытки из-за потерь рабочего времени, простоя оборудования, низкой трудовой дисциплины.

Еще в 1926 г. в докладе о хозяйственном положении СССР Сталин говорил о нарушениях дисциплины и масштабах потерь рабочего времени как о серьезной болезни советской

хозяйственной системы: *«Нам нужно, наконец, повести кампанию за уничтожение прогулов на заводах и фабриках, за поднятие производительности труда, за укрепление трудовой дисциплины на наших предприятиях. Десятки и сотни тысяч рабочих дней теряются для промышленности ввиду прогулов. Сотни тысяч и миллионы рублей пропадают ввиду этого в ущерб нашей промышленности, в ущерб индустрии. Мы не можем двинуть вперед нашу индустрию, мы не можем поднять заработную плату, если не прекратятся прогулы, если производительность труда застрянет на одной точке... Борьба с прогулами, борьба за поднятие производительности труда в интересах нашей промышленности, в интересах всего рабочего класса в целом, – такова задача»* [Сталин, 1948.С. 137].

Проблема, однако, заключалась не в проведении какой-то очередной кампании. Требовался широкий комплекс согласованных государственных мероприятий в различных областях социально-экономической жизни и систематические действия управленцев всех уровней, чтобы закрепить рабочих на заводах и стройках, создав для них мотивацию к производительному труду.

С периода первой пятилетки (1928–1932 гг.) партия и государственный аппарат уделяли вопросам труда самое пристальное внимание, прилагая интенсивные усилия экономического, пропагандистского, административного и уголовно-правового (репрессивного) характера. Неоднократно перестраивалась деятельность отраслевых профсоюзов, вводилась и отменялась практика заключения коллективных договоров (1932–1934 гг.), учреждались персональные «трудовые списки» (1926 г.), а затем – «трудовые книжки» (с 1932 г.); внедрялись «производственно-товарищеские суды» и испытывалось множество способов партийно-политического контроля на производстве вроде отраслевой структуры партийных организаций (1934 г.), института партторгов ЦК ВКП(б) на крупных предприятиях, политотделов на транспорте, в сельском хозяйстве и других «приводных ремней». В своей совокупности действия партии и правительства в области труда представляли собой непрерывный (почти на три десятилетия сталинской эпохи) социальный эксперимент, фрагменты которого сохранялись в экономической жизни СССР вплоть до полного краха советской системы.

Но ни организационные, ни партийно-пропагандистские меры не приносили желаемого результата: государству и рабочему классу никак не удавалось прийти к взаимопониманию в вопросах стимулирования труда и дисциплины на производстве. Систематическая текучесть рабочих кадров, массовые самовольные переходы с одного места на другое, неисполнительность в работе часто перечеркивали усилия управленцев.

Постепенно советское правительство начало прибегать к ужесточению административных мер. В 1932 г. был принят специальный декрет против нарушителей трудовой дисциплины – «Об увольнении за прогулы без уважительных причин» (Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1932 г.). Декрет обязывал руководителей предприятий «в случае хотя бы одного дня неявки на работу без уважительных причин» увольнять прогульщика с предприятия или учреждения, лишать всех продовольственных и промтоварных карточек, ордеров, заборных книжек на получение обедов в столовой и повседневных товаров в закрытом рабочем кооперативе, а также выселять уволенного и его семью из предоставленного жилища. (До сих пор основанием для увольнения работника были три дня прогула в течение месяца¹. Но и такими способами борьбы за дисциплину правительство не могло преодолеть реальных условий, которые оно само создавало в течение предшествующих лет. Исполнение закона натолкнулось на скрытое противодействие со стороны директоров заводов и фабрик, так как его практическое применение могло привести к массовым увольнениям рабочих и только ухудшило бы положение на производстве. В январе 1933 г. наркомат юстиции РСФСР отмечал, что «ряд руководителей» предприятий «не выполняют закон от 15 декабря 1932 г., проявляют бездействие к прогульщикам или потакают им». Наркомат требовал от республиканских, областных, краевых судов и прокуроров «неуклонно привлекать к дисциплинарной или уголовной ответственности» заводских должностных лиц, уклоняющихся от прямого исполнения закона².

В декабре 1938 г. в Постановлении Совнаркома СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС были уточнены правила увольнения с работы

¹ Кодекс законов о труде РСФСР 1922 г., пункт «е».

² ГАС РА. Л. 47–47об.

нарушителей трудовой дисциплины [Постановление СНК., 1938]. Объявлялось, что основанием для увольнения должны служить три нарушения в течение месяца или четыре – в течение двух месяцев. К нарушениям относились: опоздание на работу, запоздалый приход с обеда, преждевременный уход домой, а также «безделье в рабочее время». В отличие от предыдущих законов, постановление 1938 г. ввело в оборот особые обозначения нарушителей: кроме «прогульщиков» теперь фигурировали «тунеядцы», «летуны и разгильдяи». Одновременно с этим руководители низовых звеньев управления вновь получили предупреждение о том, что «за уклонение от проведения мер по укреплению трудовой дисциплины и непринятие мер» против нарушителей они будут привлекаться к ответственности «вплоть до снятия с работы и предания суду».

Испытав целый ряд подобных безуспешных административных мер, сталинское руководство решило перейти к радикальным действиям. В предвоенный период, когда размеры потерь рабочего времени стали представлять реальную угрозу оборонно-стратегическим интересам государства, оно криминализовало нарушения трудовой дисциплины, переводя их в разряд уголовных преступлений. 26 июня 1940 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [Хлевнюк, 1989; Морозов, 2001; Соломон, 2008; Козинцев, 2008; Серегина, 2010; Земсков, 2014]. Фактически это был путь к возрождению в России разновидности посессионного права XVIII–XIX веков и новому закреплению рабочих, который отчетливо свидетельствовал о том, что советский режим исчерпал традиционные методы привлечения наемного труда и поэтому вынужденно обращался к практике феодального прошлого.

Вскоре к закону от 26 июня прибавился аналогичный Указ о запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в МТС (от 17 июля 1940 г.). Эти два документа положили начало длительной общегосударственной кампании судебных преследований миллионов рабочих, крестьян и служащих советских учреждений по признакам нарушения трудовой дисциплины. Указы предусматривали две основные меры наказания: за прогул – до шести месяцев исправительно-трудовых

работ; за опоздание на работу более чем на 20 минут и самовольный уход с работы – до четырех месяцев тюремного заключения. В тюрьмы ГУЛАГа хлынул огромный поток заключенных нового типа. Еще до начала Великой Отечественной войны по этим указам было осуждено *свыше двух миллионов* человек (см. таблицу), в основном из числа впервые привлеченных к труду молодых работников. Но война резко изменила весь ход борьбы за дисциплину и открыла новую, уникальную страницу взаимоотношений сталинского режима с рабочими.

Крайне неудачное, трагическое начало войны для СССР, потеря многих важных экономических районов и центров индустрии вывели вопрос о трудовом участии населения в укреплении обороны страны на первый план. Проблема производственной дисциплины масс в тылу стала стержнем военно-политической стратегии государства, таким же насущным и острым вопросом выживания государства, какими были действия на боевых фронтах.

Между тем качество трудовых ресурсов ухудшалось с каждым месяцем войны. В результате массовых мобилизаций взрослого мужского населения рабочие места на предприятиях пришлось замещать менее квалифицированным и физически малоподходящим кадрам – женщинам, подросткам и пожилым людям. Новый людской потенциал, экстренно мобилизованный на стройки, рудники и промышленные предприятия, создал лишь дополнительные трудности в организации производства, потребовав новых затрат и внимания к вопросам технического обучения новичков, их трудовой дисциплины и качества производимой ими продукции.

Положение усугублялось еще и тем, что с началом войны масса рабочих вовсе не изменила своего отношения к производству. В сентябре 1941 г. Наркомат юстиции РСФСР в секретном письме региональным судебным органам отмечал, что в ряде областей, из которых особенно выделялась Ивановская, «число нарушений трудовой дисциплины на предприятиях резко возросло». Количество прогулов в 1–2 дня и более, а также самовольных уходов выросло в среднем на 20%³.

³ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 9. Д. 5. Л. 125.

В обстановке нарастающего кризиса и угрозы окончательной гибели государства сталинское руководство сделало ставку на резкое ужесточение административных мер и репрессий. К зиме 1941 г. основные заводы и фабрики страны, а затем и кооперированные с ними производственные и сырьевые объекты (рудники, шахты и промыслы) были переведены в разряд оборонных предприятий, а их работники наделены статусом принудительно прикрепленных кадров. У основной массы зачисленных на производство изъяли паспорта, выдав взамен специальные временные удостоверения, по которым можно было передвигаться лишь в пределах того города или поселка, где находилось их предприятие.

Но решающим средством принудительного закрепления мобилизованных стал Указ от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход (дезертирство) с предприятий». Указ поднял проблему трудовой дисциплины до небывалых до сих пор пределов: прекращение работы или уход с производства он рассматривал теперь как серьезное уголовное преступление, каравшееся наказанием в виде тюремного заключения на срок от пяти до восьми лет [Трудовое законодательство..., 1943. С. 29–30]. Придав самовольным уходам с военных предприятий столь необычный статус, сталинское руководство ввело для них также особый порядок судопроизводства. Дела о нарушителях дисциплины этой категории (бросивших работу) могли рассматривать лишь военные трибуналы, т.е. должны были проходить по ускоренной процедуре и без обжалования приговора. В течение почти полутора лет в тыловых районах страны этим занимались трибуналы трех видов: армейские, войск НКВД и транспортные трибуналы железных дорог и водных бассейнов. С апреля 1943 г. армейские трибуналы были освобождены от рассмотрения дел о «трудовых дезертирах». Дела этого рода стали проходить только через трибуналы войск НКВД и трибуналы транспорта.

За период войны (1942–1945) суровые приговоры военных трибуналов получили около одного миллиона гражданских лиц (таблица). Это были в основном рабочие двух категорий: мобилизованная молодежь и женщины. Так, например, в Новосибирской области, где концентрировались главные мощности оборонных

заводов Сибири, количество женщин в 1943 г. достигало 57%, а количество молодежи в возрасте до 25 лет – 70–75% от общего числа осужденных трибуналами⁴. Как наименее приспособленные к крайне тяжелым, а чаще – просто чудовищным условиям военного производства и быта, эти группы мобилизованного населения оказывались просто не в состоянии переносить выпавшие на их долю невзгоды, и они самовольно оставляли рабочие места – бежали в родные села, откуда их увезли на заводы и шахты, устраивались на другие предприятия, прятались в лесах и таежных поселках. Тысячи женщин и подростков покидали предприятия из-за разрыва семейных связей, вызванного разлукой с малолетними детьми и родителями.

Вместе с тем, сотни тысяч приговоренных трибуналами за «трудовое дезертирство» во время войны составляли лишь малую часть жертв советской карательной машины. Значительно большее число осужденных нарушителей дисциплины проходило по менее суровому закону об опозданиях и прогулах – Указу от 26 июня 1940 г. В условиях войны действие этого указа получило новый огромный импульс. Указ стал главным инструментом режима в борьбе за повышение интенсивности общественного труда. Решимость сталинского правительства поднять уровень производства за счет снижения количества опозданий и прогулов привела прежде всего к резкому увеличению числа особых судов низшей инстанции – так называемых *участков спецподсудности*, в которых рассматривались исключительно лишь дела о прогулах и опозданиях. С 1942 г. такие суды стали действовать во всех крупных промышленных центрах, где размещались оборонные заводы или объекты энергосырьевого комплекса. В Новосибирске в районах расположения заводов-гигантов по выпуску самолетов и боевых снарядов (комбинаты № 153 и № 179) в 1942 г. возникло сразу шесть участков спецподсудности, такие же участки были открыты в городах Кузбасса – Кемерово, Сталинске, Прокопьевске⁵. Судопроизводство в этих квазисудах превратилось в непрерывный конвейер, «борьба за трудовую дисциплину» стала одной из самых грандиозных репрессивных кампаний военных лет.

⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 176. Л. 399–400.

⁵ ГАНО. Ф. Р-1199. Оп. 1. Д. 4. Л. 2; Д. 18. Л. 135.

**Число осуждённых судами всех видов по указам
военного времени о труде за 1940–1956 гг. (по СССР)***

Наименование указов		Периоды	Осуждено судами общей подсудности	Осуждено линейными и окр. судами и военными трибуналами ж.д. и вод. транспорта	Осуждено военными трибуналами СА, ВМФ и войск НКВД	Итого
Указ от 26/VI-1940 г. – по ж.д. и водному транспорту, а также по ст. 193–7 п. «б» УК РСФСР	Самовольный уход с предприятия и учреждения	1940	321 648	-	-	321 648
		1941–1945	1 073 664	7 257	-	1 080 921
		1946–1952	1 399 568	24 487	-	1 424 052
		1953–1956	558 156	6 248	-	564 404
		Итого за 1940–1956	3 353 036	37 989	-	3 391 025
	Прогоулы (самовольная отлучка)	1940	1 769 790	-	-	1 769 790
		1941–1945	5 603 917	62 567	-	5 666 484
		1946–1952	3 604 881	94 236	-	3 699 117
		1953–1956	311 415	7 313	-	318 728
	Итого за 1940–1956	11 290 003	164 116	-	11 454 119	
Указ от 28/XII-1940 г. (нарушение дисциплины и самовольный уход из ремесленных училищ и школ ФЗО)	1941–1945	50 179	-	-	50 179	
	1946–1951	70 178	-	-	70 178	
	Итого за 1941–1951	120 357	-	-	120 357	
Указ от 26/XII-1941 г. по ж.д. и вод. тр-ту, а также по ст. 193–7 п.п. «г» и «д» УК РСФСР (дезертирство с предприятий военн. промышленности, ж.д. и вод. тр-та)	1942–1945	38 572	80 254	842 071	960 897	
	1946–1948	3 179	53 182	140 734	197 095	
	Итого за 1942–1948	41 751	133 436	982 805	1 157 992	
Указ от 13/II-1942 г. (уклонение от мобилизации для работы на производстве и строительстве)	1942–1945	21 786	-	-	21 786	
Указ от 15/IV-1942 г. (уклонение от мобилизации на сельхозработы) (без лишения свободы, только ИТР и условное осуждение)	1942–1945	91 246	-	-	91 246	
	1946–1952	46 895	-	-	46 895	
	1953	4 376	-	-	4 376	
	Итого за 1942–1953	142 517	-	-	142 517	

Окончание таблицы

Наименование указов	Периоды	Осуждено судами общей подсудности	Осуждено линейными и окр. судами и военными трибуналами ж.д. и вод. транспорта	Осуждено военными трибуналами СА, ВМФ и войск НКВД	Итого
Указ от 15/IV-1942 г. (невыворотка минимума трудодней) (без лишения свободы, только ИТР и условное осуждение)	1942–1945	679 286	-	-	679 286
	1946–1952	934 513	-	-	934 513
	1953	59 825	-	-	59 825
	Итого за 1942–1953	1 673 624	-	-	1 673 624
Всего осуждено по указам военного времени	1940	2 091 438	-	-	2 091 438
	1941–1945	7 558 650	150 078	842 071	8 550 799
	1946–1952	6 059 214	171 902	140 734	6 371 850
	1953–1956	933 772	13 561	-	947 333
	Итого за 1940–1956	16 643 074	335 541	982 805	17 961 420
	%	92,7	1,9	5,4	100,0

* ГАРФ. Ф. 9492 сч. Оп. 6с. Д. 14. Л. 9. (Опубликовано [Папков, 2012. С. 416–417]).

Эта статистика Наркомата юстиции СССР, рассекреченная лишь в постсоветский период – выразительная иллюстрация характера сталинских методов управления страной в кризисную эпоху. Чтобы противостоять в войне с внешним врагом, Сталину и его аппарату пришлось развязать своеобразную внутреннюю войну против собственных рабочих. Восемь с половиной миллионов приговоров по уголовным статьям только по признакам нарушения дисциплины труда – слишком большая цифра, чтобы можно было ее игнорировать или относить к числу естественных или неизбежных издержек войны. Она свидетельствует прежде всего о том, что диктатура в условиях войны не перестает быть диктатурой, а тиран не становится «эффективным менеджером». Наоборот, во многих отношениях война развязывает руки деспотии, открывает дополнительные пути квази-легитимному применению карательных методов, которые в мирной обстановке режим предпочитает маскировать различными способами. Как и любой другой политический режим, действующий в экстремальных

условиях, сталинское руководство стремилось консолидировать общество, но делало это по своим правилам и нормам. Эти правила заключались в невероятном ужесточении трудового законодательства, бесконечном ограничении социальных прав граждан и насаждении атмосферы страха. Применение подобных способов управления всегда находило соответствующее идеологическое оправдание, основанное на практике Гражданской войны, либо на общих представлениях самих советских вождей об условиях «превращения страны в единый боевой лагерь».

Но удалось ли режиму решить проблему трудовой дисциплины такими средствами? Официальные советские источники утверждают, что благодаря действиям военных трибуналов только во второй половине 1944 г. был достигнут определенный перелом: «самовольный уход с предприятий военной промышленности уменьшился. Многие дезертиры добровольно возвращались на свои или аналогичные предприятия» [Советское право., С. 189].

Реально, однако, отмеченный успех оказался кратковременным и присутствовал больше на бумаге. С 1945 г. бегство рабочих вновь усилилось. В феврале 1945 г., например, начальник УНКВД Кемеровской области (региона с очень большим количеством оборонных предприятий и рудников) сообщал, что систематическое дезертирство с производства остается «опасным для нас явлением», «мы за 1944 год арестовали 22 тысячи дезертиров...», «дезертирство не прекращается, а увеличивается»⁶. Было совершенно ясно, что огромный репрессивный аппарат, превращенный Сталиным в главное орудие хозяйственной политики, оказался не в состоянии решать экономические задачи и регулировать положение в области труда. Его специфическая роль состояла лишь в том, чтобы поддерживать хоть какой-то порядок на производстве. Без насилия и правовой угрозы, без создания атмосферы страха сталинская система управления не работала. Для поддержания общественного производства, особенно в условиях войны, постоянно нужен был внешний побудитель – универсальный репрессивный аппарат и суровые законы о труде, которые компенсировали имманентные пороки советской экономической системы.

Но как следовало поступить, если в стране миллионы рабочих так или иначе уклоняются от общественного труда, а масса других

⁶ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 208. Л. 96.

мобилизованных может в любой момент последовать их примеру? В конечном счете вопрос стоял именно так, и Сталин должен был найти адекватный ответ. Он не мог изменить установленный экономический порядок, обесценивший общественный труд и превративший рабочих в простой придаток государственного производства, но он мог заставить рабочую массу под страхом уголовного наказания ежедневно отбывать определенные часы на рабочем месте и не уходить с работы раньше положенного срока. Располагая мощными административно-государственными ресурсами, Сталин и выполнял эту задачу как умел, последовательно и упорно преследуя миллионы рабочих как уголовников, до последних дней войны, а затем и в послевоенный период.

Таким образом, набор суровых карательно-уголовных мер, действовавший в советской экономической системе почти 15 лет сталинской эпохи, позволял поддерживать определенный уровень эффективности производства. Однако бесконечно использовать такой порядок было невозможно. Поэтому к концу эпохи сталинизма открытое принуждение к труду, основанное на страхе уголовного наказания, постепенно шло к ослаблению, но окончательно исчезло лишь после смерти диктатора.

Литература

Земсков В. Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией // Политическое просвещение. 2014. № 2.

Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» // Известия. 1938. 29 декабря.

Кодинцев А. Я. Осуществление правовой политики советского государства органами юстиции при проведении кампании по реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года в военный и послевоенный период // Политика и общество. 2008. № 5.

Морозов А. А. Развитие советского законодательства о дисциплине труда: историко-правовой аспект (1917–1945 гг.). Автореф. канд. дисс. Спб., 2001. 20 с.

Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН. 2012. 440 с.

Серегина Л. В. Трудовое право в годы Великой Отечественной войны // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 139–147.

Советское право в период Великой Отечественной войны. Часть II. Уголовное право. Уголовный процесс / Под ред. И. Т. Голякова. М., 1948.

Соломон П. Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2008. 464 с.

Сталин И.В. Сочинения. Т. 8. М., 1948.

Трудовое законодательство военного времени. Сборник. 2-е изд. М., 1943.

Хлевнюк О. 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальность администрирования // Коммунист. 1989. № 9.

Статья поступила 07.02.2018.

Summary

Papkov S.A., Institute of History, SB RAS, Novosibirsk

The Problem of the Organization of Social Work in the USSR during World war II

The situation in the field of organizing social labor in the USSR during the pre-war and war period is analyzed. An assessment of the state of labor discipline as one of the key problems in the economic policy of the Soviet state is given. The evolution of government measures to introduce specific (non-economic) measures of struggle for labor discipline and retention of workers at enterprises in war conditions is reproduced.

Production; workers; social work; labor discipline; absenteeism; unauthorized leave work; war; decrees on labor; judicial punishment

References

Zemskov V.N. (2014). Organizacija rabochej sily i uzhestochenie trudovogo zakonodatel'stva v gody vojny s fashistskoj Germaniej. Politicheskoe prosveshhenie. No. 2. (In Russ).

Postanovlenie SNK SSSR, CK VKP(b) i VCSPS (1938) «O meropriyatiyah po uporyadocheniyu trudovoj discipliny, uluchsheniyu praktiki gosudarstvennogo social'nogo strahovaniya i bor'be s zloupotrebleniyami v ehtom dele». *Izvestiya*. 29 dekabrya. [In Russ.]

Kodincev A. Ya. (2008). Osushchestvlenie pravovoj politiki sovetskogo gosudarstva organami yusticii pri provedenii kampanii po realizacii Ukaza Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 26 iyunya 1940 goda v voennyj i poslevoennyj period. *Politika i obshchestvo*. No. 5 (In Russ).

Morozov A. A. (2001). Razvitie sovetskogo zakonodatel'stva o discipline truda: istoriko-pravovoj aspekt (1917–1945 gg.). Avtoreferat diss... kand. jurid. nauk. Spb. 20 p. (In Russ.)

Papkov S.A. (2012) Obyknovennyj terror. Politika stalinizma v Sibiri. Moscow. ROSSPEHN Publ. 440 p. (In Russ.)

Seregina L. V. (2010). Trudovoe pravo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. *Zhurnal rossijskogo prava*. No. 8. Pp.139–147. (In Russ.)

Sovetskoe pravo v period Velikoj Otechestvennoj vojny. CHast' II. Ugolovnoe pravo. – Ugolovnyj process. (1948). I. T. Golyakova. Moscow. (In Russ.)

Solomon P. (2008) Jr. Soviet Criminal Justice under STALIN. (Sovetskaya yusticiya pri Staline) Moscow. ROSSPEHN Publ. 464p. (In Russ.)

Stalin I. V. (1948). Sochineniya. T. 8. Moscow Publ. (In Russ.)

Trudovoe zakonodatel'stvo voennogo vremeni (1943). Sbornik. 2-e izd. Moscow Publ. (In Russ.)

Hlevnyuk O. (1989). 26 iyunya 1940 g.: illyuzii i real'nost' administrirovaniya. *Kommunist*. No. 9. (In Russ).